

Н.В. Давыдов

Из прошлого

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
Н11

Н11 **Н.В. Давыдов**
Из прошлого / Н.В. Давыдов – М.: Книга по Требованию, 2014. – 433 с.

ISBN 978-5-517-83400-3

ISBN 978-5-517-83400-3

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2014
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2014

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

МОСКВА.

Пятидесятыя и шестидесятыя годы XIX столѣтія.

Воспоминанія мои о прежней Москвѣ дѣлятся на два періода — первый до 1860 года, а второй съ 1865 по 1870 годъ прошлаго столѣтія. Съ 1860 по 1865 годъ я отсутствовалъ изъ Москвы, а кромѣ того, дѣленіе это на два періода представляется удобнымъ и потому, что воспоминанія мои о пятидесятыхъ годахъ болѣе отрывочны и поверхностны, чѣмъ за второй періодъ, такъ какъ они относятся къ моимъ дѣтскимъ годамъ, и, наконецъ, это время, т.-е. пятидесятыя годы, рѣзко отличается отъ второй половины шестидесятыхъ годовъ; оно еще всецѣло относится къ дореформенной эпохѣ, которой въ 1865 году, когда я юношей вернулся въ Москву, уже не стало.

I.

Особая печать лежала въ ту пору на всей Москвѣ: не только на зданіяхъ, не походившихъ на петербургскія, на улицахъ и движеніи по нимъ, но на московской толпѣ и на московскомъ обществѣ во всей его совокупности и разнovidности. Особенности Москвы въ настоящее время сгладились, даже исчезли: уже нѣтъ особаго московскаго міровоззрѣнія, спеціальной московской литературы, а тѣмъ

болѣе науки, даже калачи, сайки и прочія, нѣкогда знаменитыя, спеціально московскія снѣди выродились; нѣтъ, наконецъ, строго говоря, и настоящаго «москвича». Нынѣшняго жителя Москвы, пожалуй, не отличишь отъ петербуржца, все пришло болѣе или менѣе однообразный, космополитическій видъ. Не то было въ пятидесятыхъ годахъ, когда Москва являлась центромъ еще сильнаго въ то время ставинофильства, сугубаго патріотизма и очагомъ считавшагося чисто русскимъ направленія мысли, а главнымъ образомъ, чувства, якобы самобытнаго и много въ себѣ содержащаго, отвергавшаго почти все, что переносилось къ намъ изъ «гнилаго Запада». Чувства эти были особенно горячи именно въ описываемые годы, — въ теченіе и вскорѣ послѣ Крымской кампаніи. Петербургъ всегда былъ близокъ и тянулся къ Западу, и это сказывалось и во внѣшнемъ видѣ, даже одеждѣ его обывателей и въ его политическихъ и иныхъ взглядахъ, не сходившихся съ московскими рѣшительно ни въ чемъ.

Въ тогдашней Москвѣ еще сказывались черты прежняго обихода, отъ нея, дѣйствительно, вѣяло стариной. Если въ Москвѣ не было вовсе вліятельнаго, правящаго чиновничества, настоящей бюрократіи и военщины, то зато было еще достаточно русскаго «барства» и связаннаго съ нимъ крѣпостничества и много патріархальности, то мягкой, а то жесткой, убѣжденной сословности, при которой, несмотря на московское добродушіе и радушіе, весьма строго соблюдалось правило: «всякъ сверчокъ — знай свой шестокъ». Москва была прямолинейна, она признавала и любила власть и авторитеты. Власть, — взятая сама по себѣ, — казалась желательной, необходимой, спасительной и притомъ власть неограниченная, стоящая выше закона и въ самыхъ разнообразныхъ ея проявленіяхъ. Высшая правительственная власть, олицетворяемая для Москвы генераль-губернаторомъ, та же власть, но ниже рангомъ, въ лицѣ болѣе мелкихъ правительственныхъ агентовъ, родительская власть въ семьѣ, власть господина надъ домочадцами и челядью, власть хо-

зипна надъ прикащиками, мастеровыми и т. д. Апостольское положеніе «иѣтъ бо власти аще не отъ Бога» понималось буквально и примѣнялось весьма широко, при чемъ подвластные не протестовали, не додумавшись еще до такого исхода. Выѣшняя, государственная политика для москвича, упорно не желавшаго видѣть того, что совершалось въ дѣйствительности вокругъ него и за рубежомъ, сводилось упрямо къ стиху: «разумѣйте языцы и покоряйтесь, яко съ нами Богъ». Общественное мнѣніе существовало и тогда, но это въ сущности было мнѣніе весьма ограниченаго кружка, формально авторитетнаго, покоящееся на высказанномъ начальствомъ; однако оно принималось и почиталось за истинное. Общественное мнѣніе складывалось, и вопросы, волновавшіе Москву, рѣшались безапелляціонно въ Англійскомъ клубѣ. Конечно, и въ то время существовали кружки и отдѣльныя лица, не принимавшіе на вѣру положеній, провозглашенныхъ старшими и чиновными, но они составляли исключеніе и считались даже опасными.

Генераль-губернаторскій постъ занималъ графъ Закревскій и держалъ себя именно такъ, какъ подобало въ то время высшему представителю административной власти, а именно онъ былъ дѣйствительнымъ хозяиномъ столицы настолько, что личный авторитетъ его былъ въ глазахъ обывателя выше и дѣйствительнѣе авторитета закона.

Масса населенія, мало, а частью даже вовсе неграмотная, не считавшая сама себя полноправной частью общества, жила, обладая очень ограниченнымъ горизонтомъ и сосредоточивъ весь свой жизненный интересъ на мелочахъ хозяйства, торговли, ремесла, канцелярской службы, а въ качествѣ духовной пищи довольствуясь мѣстными сплетнями да фантастической болтовней на политическія и иныя темы. Все населеніе покорно и безропотно подчинялось постановленіямъ, обычаямъ и распоряженіямъ, не всегда оправдывавшимся ихъ содержаніемъ, но преступить которые казалось чуть ли не смертнымъ грѣхомъ и во всякомъ случаѣ поступкомъ чрезвычайной смѣлости. Никто не дерзалъ курить

на улицахъ, чиновники не смѣли отпустить бороду и усы, студенты не рѣшались, хотя оно было очень заманчиво, носить длинныхъ волосъ, бѣлины можно было ѣсть исключительно на масляницѣ и въ положенные для этого дни, посты строго соблюдались во всехъ классахъ населенія и т. д.

Религіозность достигала высокаго развитія, но преобладала вышняя сторона, — безотчетное, по довѣрію, исполненіе обрядовъ и правилъ. Церкви во время богослуженій усердно посѣщались, икона Иверской Божіей Матери еще въ большей степени, чѣмъ теперь, была приближенемъ обитателей Москвы въ особо печальныхъ или радостныхъ случаяхъ; большія суммы денегъ жертвовались, а еще чаще назначались духовными завѣщаніями на церкви и монастыри. Не малое значеніе имѣло въ Москвѣ въ то время старообрядчество, повидимому, строго преслѣдовавшееся, но несмотря на это, отчасти же благодаря именно этому, значительно процвѣтавшее и обладавшее большими денежными средствами.

Попутно съ религіознымъ чувствомъ культивировалось и суевѣріе; Москва была переполнена разныхъ видовъ юродивыми, монашествующими и святошами-прорицателями; наибольшее гостепріимство личности эти встрѣчали въ купечествѣ, но они были вхожи и во многіе дворянскіе дома, а знаменитый въ то время Иванъ Яковлевичъ Корейша, содержавшійся въ больницѣ для умалишенныхъ, посѣщался тайно, да и явно, кажется, всемъ московскимъ обществомъ, а дамской его половинной признавался, несмотря на бросающуюся въ глаза безмыслицу его изреченій, истиннымъ прорицателемъ, обладающимъ даромъ всевѣдѣнія и святостью.

Московское купечество, и въ ту пору обильное и крѣпкое, мало выдвигалось, однако, на арену общественной жизни; оно было замкнуто и жило своими особыми духовными и матерьяльными интересами. Того выдающагося участія въ дѣлѣ развитія отечественной науки и искусства, которымъ отличается въ настоящее время московское купечество, тогда имъ не проявлялось, и миѣ вспоминается лишь одно

гремѣвшее тогда ими общественнаго дѣятеля изъ купцовъ — это Кокоревъ.

Переносясь мысленно къ дѣтскимъ годамъ моимъ, я отчетливо вижу бытую Москву, въ которой семья наша тогда жила, и вижу, какъ громадно она измѣнилась съ тѣхъ поръ; теперь, благодаря массѣ вновь построенныхъ и передѣланныхъ домовъ, развѣ двѣ-три улицы въ Замоскворѣчьи напоминаютъ нѣсколько общій выѣшшій видъ старой Москвы. Въ то время небольшіе деревянные, часто даже неоштукатуренные дома и домики, большею частью съ мезонинами, встрѣчались на каждомъ шагу и не только въ глухихъ переулкахъ, но и на улицахъ. Въ переулкахъ съ домами чередовались заборы, не всегда прямо державшіеся; освѣщеніе было примитивное—гарнымъ масломъ, при чемъ тускло горѣвшіе фонари, укрѣпленные на выкрашенныхъ когда-то въ сѣрую краску деревянныхъ неуклюжихъ столбахъ, стояли на большомъ другъ отъ друга разстояніи. Благодаря этому и болѣе чѣмъ экономному употребленію въ дѣло фонарнаго масла, которымъ не малое количество людей кормилось, не въ буквальномъ, конечно, смыслѣ, въ Москвѣ по ночамъ было рѣшительно темно, площади же съ вечера окутывались непроходимымъ мракомъ. Грязи и навозу на улицахъ, особенно весною и осенью, было весьма достаточно, такъ что пѣшеходы теряли въ грязи калоши, а иной разъ нанимали извозчика спеціально для переправы на другую сторону площади; лужи, бывало, стояли подолгу такія, что переходить ихъ приходилось при помощи домашнихъ средствъ воздвигнутыхъ, мостковъ и сходней.

Полиціи на улицахъ было немного, но зато представители ея какъ высшіе, такъ и низшіе были классически хороши, типичны и интересны. Это было время «хожалыхъ» и «будочниковъ», настоящихъ будочниковъ, т.-е. людей дѣйствительно жившихъ въ будкахъ; будки были двухъ родовъ,—сѣрые деревянные домики и каменные, столь же малаго размѣра, круглыя зданія, вродѣ укороченныхъ башенъ, первые темно-сѣраго цвѣта, а вторыя, помнится, бѣлыя съ свѣтло-желтымъ.

Внутри будокъ имѣлось обычно одно помещеніе, иногда съ перегородкой, большую часть котораго занимала русская печь; иногда, если будка стояла, напримѣръ, на бульварѣ, около нея ставилось нѣчто вродѣ заборчика и получался крошечный дворикъ, въ которомъ мирно хозяйствовала супруга хозяина, висѣло на веревкахъ, просушиваясь, бѣлье, стояли принадлежности домашняго обихода и даже прогуливались куры съ цыплятами. Кромѣ того, около присутственныхъ мѣстъ и, помнится, кое-гдѣ на площадяхъ стояли обыкновенныя, военнаго образца, трехцвѣтныя будочки, въ которыхъ стража могла укрываться въ непогоду. Видъ самихъ будочниковъ былъ поразительный: одѣты они были въ сѣрые солдатскаго сукна казакны, съ чѣмъ-то, кажется, краснымъ на воротѣ, на головѣ носили каску съ шишакомъ, кончавшимся не остриемъ, какъ на настоящихъ военныхъ каскахъ, а круглымъ шаромъ. При поясѣ у нихъ имѣлся тесакъ, а въ рукахъ будочникъ, если онъ былъ при исполненіи обязанностей службы, держалъ алебарду, совершенно такую, какими снабжаютъ, изображающихъ въ театральныхъ представленіяхъ средневѣковое войско, статистовъ. Орудіе это, на первый взглядъ и особенно издали казавшееся страшнымъ, а въ дѣйствительности очень тяжелое и неудобное для какого-либо употребленія, стѣняло, конечно, хозяевъ, не обладавшихъ крѣпостью и выправкою средневѣковыхъ ландскнехтовъ, и они часто пребывали безъ алебарды, оставивъ ее или у своей будки или прислонивъ къ забору. Будочники эти не имѣли ничего общаго съ теперешними городскими, чисто одѣтыми, даже элегантными, въ бѣлыхъ перчаткахъ, непромокаемыхъ накидкахъ, достаточно учтивыми, дающими даже полезныя топографическія и нынѣ указанія обывателямъ. Будочники были безусловно грязны, грубы, мрачны и несвѣдущи; да къ нимъ никто и не думалъ обращаться за справками, совершенно сознавая, что они лишь живыя «пугала» для злыхъ и для добрыхъ, специально приспособленныя для того, чтобы на улицахъ чувствовалась публикой и была бы воочію видна власть

предержащая, проявлявшаяся въ томъ, что учинившій какослибо нарушение обыватель, впрочемъ, не всегда и не всякій, а именно глядя по обстоятельствамъ и по лицамъ, — «забирался» въ полицію.

Начальство хожалыхъ было тоже очень своеобразно: тогдашніе квартальные и прочіе полицейскіе чины до полицмейстера столь же вышше отличались отъ теперешнихъ приставовъ и ихъ помощниковъ, какъ примитивные «бутари» (ихъ такъ звали въ насмѣшку) отъ теперешнихъ городовыхъ. Элегантности въ нихъ не было нисколько, и вышшимъ умчнымъ порядкомъ они мало занимались. Зато внутренній порядокъ былъ всецѣло въ рукахъ полиціи, предъ которой обыватель—ремесленникъ, мѣщанинъ, торговецъ и купецъ, конечно, не изъ крупныхъ, да и мелкій чиновникъ,—безпркословно преклонялись. Крѣпостное право еще не было отмѣнено, и сословія, «не избавленные отъ тѣлеснаго наказанія», ощущали это непосредственно на себѣ и въ Москвѣ. Запьянствовавшіе или инымъ способомъ провинившіеся кучера, повара и лакеи изъ крѣпостныхъ отсылались ихъ господами при запискѣ въ полицію и тамъ ихъ сѣкли. То же попутно и за отсутствіемъ протеста, практиковалось и съ вольными людьми изъ мѣщанъ и фабричныхъ, перѣдко по инициативѣ самой полиціи и съ одобренія публички, а иной разъ и сѣкомыхъ, предпочитавшихъ такую расправу судебной волокитѣ и лишенію свободы за маловажные проступки, до мелкихъ кражъ включительно.

Выдающуюся, оригинальную фигуру представлялъ изъ себя тогдашній полицмейстеръ Огаревъ, пережившій на своемъ посту эту примитивную эпоху и дѣйствовавшій и въ реформированной Москвѣ. Едва ли былъ во всемъ городѣ хотя единый человекъ, не знавшій въ лицо Огарева, мужа большого роста и соотвѣтственной корпуленціи, весьма воинственнаго вида и съ громаднѣйшими ниспадавшими усами. Онъ обладалъ громоподобнымъ голосомъ, энергіей и рѣшительностью и разѣзжалъ по Москвѣ въ небольшой пролеткѣ на парѣ съ пристяжкой, отчаянно изгибавшейся на скаку.

Въ юмористическомъ журнальчикѣ, кажется, въ «Развлеченіи», издававшемся уже тогда, была помѣщена карикатура, изображавшая Геркулеса, сидящаго съ прялкой у ногъ Омфалы, при чемъ Геркулесъ имѣлъ обличіе Огарева, а Омфала напоминала одну извѣстную въ то время актрису, къ которой будто Огаревъ былъ неравнодушенъ. Дальше такой картинки иллюстрированная сатира еще не шла.

Личная и имущественная безопасность обывателей не была, строго говоря, сколько-нибудь гарантирована виѣшними мѣропріятіями. Та часть населенія, которая обычно составляетъ нарушителей права собственности, въ ту дальнюю пору была не столь, какъ нынѣ, матерьяльно обездолена и гораздо менѣе требовательна, жизнь тогда давалась легче, а главное, процентъ такого населенія въ Москвѣ былъ несравненно меньшій, чѣмъ теперь; городъ еще не притягивалъ къ себѣ съ такою силой и легкостью и не калѣчилъ, развращая физически и морально, сельскихъ жителей, «безработныя» еще не нарождались. Поэтому количество имущественныхъ преступленій было не такъ ужъ велико, и они сводились, главнымъ образомъ, къ карманнымъ и другимъ кражамъ и грабёжамъ. Иныя мѣстности Москвы пользовались въ этомъ отношеніи дурной славой, и перебираться одному черезъ площади почью было небезопасно, во всякомъ случаѣ приходилось рассчитывать на одного себя.

Домъ, въ которомъ жила наша семья, стоялъ на не существующей теперь больше Сѣнной площади; на ея мѣстѣ разбитъ теперь большой скверъ, примыкающій къ Страстному бульвару; площадь шла отъ Екатерининской больницы вплоть до Страстного монастыря и была тѣмъ болѣе пустыня, что одной стороной она граничила съ бульваромъ. Я хорошо помню, какъ иногда при наступившей темнотѣ, но даже еще не поздно вечеромъ, съ площади доносились крики: «карауль, грабятъ», и отъ насъ болѣе храбрые выбѣгали на площадь, а менѣе мужественные отворяли форточки и возможно внушительно и громко возглашали «идемъ».

Площадь наша не напрасно носила название Сѣнной: два раза въ недѣлю зимой и лѣтомъ она еще накануне съ вечера и рано утромъ устанавливалась рядами воевъ соломы и сѣна, довольно быстро раскунавшимися, при чемъ возы эти взвѣшивались на стоявшихъ среди площади монументальныхъ крытыхъ вѣсахъ. А разъ въ годъ на площади устраивалось пародное гулянье; особенность его составлялъ именовавшійся «колоколомъ» громадный парусинный, кокусобразный шатеръ, разбивавшійся на площади какъ разъ противъ дома, въ которомъ мы жили (рядомъ со зданіемъ больницы); въ этомъ кругломъ шатрѣ, доступномъ со всѣхъ сторонъ публикѣ, такъ какъ парусинный верхъ его начинался на высотѣ человѣческаго роста, производилась вольная продажа вина (водки), съ распитіемъ его на мѣстѣ. Все остальное пространство площади застраивалось балаганами, тоже обтянутыми парусиной, въ которыхъ шли обычныя въ то время представленія, да лавочками и ларями, торговавшими сластями въ видѣ мятныхъ жамокъ, цареградскихъ стрючковъ, подсолнечныхъ сѣмянъ, маковыхъ на меду пряниковъ и, вышедшихъ теперь изъ употребленія, леденцовъ въ видѣ красныхъ и желтыхъ пѣтушковъ, человѣчковъ и т. п. Строились также карусели и рѣдко встрѣчающіяся теперь качели - люльки, вращавшіяся какъ мельничное колесо, подымая и опуская любителей такого головокружительнаго занятія; всего же больше бывало пьяныхъ.

Бульвары того времени находились въ большомъ запущеніи и были совершенно предоставлены собственной судьбѣ; забота о нихъ начальства (городскаго самоуправления еще не существовало) ограничивалась исключительно тѣмъ, что при входѣ на бульвары на особыхъ столбахъ были прибиты плакаты, на которыхъ значилось: «по травѣ не ходить, собакъ не водить, цвѣтовъ не рвать»... что было не трудно исполнить, ибо травы и газоновъ никогда и не бывало на бульварахъ, такъ же какъ цвѣтовъ, которыхъ и не думали сажать, собаки же, не будучи водимы, невозбранно сами

гуляли и даже проживали, плодясь и множаясь, на бульварахъ, а въ боковыхъ кустахъ вечерами и ночью укрывались жулики, какъ было принято называть мелкихъ злоумышленниковъ.

Изъ театровъ дѣйствовали тогда Большой и Малый и былъ еще казенный циркъ, помѣщавшійся противъ Большаго театра, гдѣ теперь магазинъ Мюръ и Мериллизъ, а нѣсколько поздиѣ открылся частный циркъ — Раппо. Въ дѣятельности Большаго театра былъ нѣкоторое время вынужденный перерывъ, вызванный пожаромъ его. Тогда много говорили о смѣлости и находчивости одного простодушна Марина, спасшаго во время пожара рабочаго театра, застигнутаго внутри огнемъ и забравшагося на крышу зданія, которой тоже грозила гибель. Достаточно высокихъ лѣтшиць не было налицо, но предприимчивый спаситель, захвативъ веревку, влѣзь на крышу театра по дождевой водосточной трубѣ и, укрѣпивъ веревку, спустилъ рабочаго, а затѣмъ благополучно спустился по ней самъ; подвигъ этотъ тогда же былъ иллюстрированъ на лубочной картинкѣ, продававшейся не только въ обычныхъ въ то время мѣстахъ продажи такихъ, — весьма многочисленныхъ, особенно патріотическаго характера, — изданій, но даже въ разность на улицахъ и бульварахъ.

Лубочныя картинки, замѣнявшія до нѣкоторой степени теперешнія иллюстрированныя газеты, чутко реагировали на интересующія простую публику событія и раздѣлялись на юмористическія и героическія, прославлявшія умъ, ловкость и храбрость русскихъ по сравненію съ другими народами; въ юмористическихъ же выставлялась слабость, хвастливость и ничтожество нашихъ европейскихъ и азіатскихъ соперниковъ и враговъ. Такія картинки издавались съ помѣщаемымъ внизу текстомъ соотвѣтственнаго содержанія, всегда, впрочемъ, ultra-патріотическаго, иногда въ стихахъ. Помню одну такую картинку, изображавшую совѣтъ представителей Англій, Франціи и Турціи предъ картой Россіи, текстъ которой начинался, кажется, такъ: